

В.В. Розанов

Сумерки просвещения
Сборник статей по вопросам
образования

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Розанов**
Сумерки просвещения: Сборник статей по вопросам образования / В.В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 248 с.

ISBN 978-5-517-83222-1

ISBN 978-5-517-83222-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавление

	стр.
Сумерки просвѣщенія	1
Три главныхъ принципа образованія.	83
Афоризмы и наблюденія	94
Педагогическія трафаретки	158
О гимназической реформѣ 70-хъ годовъ.	169
Представленіе о Россіи въ годы учебной реформы	179
Городъ и школа	192
Семья какъ истинная школа	205
Границы закона	214
Безпочвенность русской школы	221
Два типа образованія	226
Вибліографія. Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.—Популярная бібліотека. № 3-й. Я. В. Абрамовъ: Два великихъ француза: благодѣтель человѣчества Луи Пастеръ и апостолъ образованія Жанъ Масэ.—«Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста». — Педагогическія экскурсіи въ область литературы. Алекс. Ник. Острогорскаго	233

ПРЕДИСЛОВІЕ

— — —

Въ настоящее изданіе вошелъ рядъ статей, соединенныхъ единствомъ темы и напечатанныхъ, между 1893—1898 гг., въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обозрѣніи», «Новомъ Времени» и «Русскомъ Словѣ». Мысль всѣхъ ихъ удовлетворительно выразилась въ заголовкѣ первой же, по времени напечатанія, статьи, почему этотъ заголовокъ и повторенъ, какъ общее надписаніе, для всѣхъ статей. Мы имѣемъ дидактику и рядъ дидактикъ; мы имѣемъ методикку и рядъ методикъ; мы имѣемъ вообще *педагогикку* какъ теорію нѣкотораго ремесла-ли, искусства-ли (внѣдрятъ данную тему въ данную душу). Но мы не имѣемъ и не имѣли того, что можно бы назвать *философіей воспитанія и образованія*, т. е. обсужденія самаго образованія, самого воспитанія въ ряду остальныхъ культурныхъ факторовъ и также въ отношеніи къ вѣчнымъ чертамъ человѣческой природы и постояннымъ задачамъ исторіи. Кого не поразить, что такъ много учачь, такъ тщательно учась, при столь усовершенствованныхъ *дидактикѣ, методикѣ и педагогикѣ*, мы имѣемъ плодъ всего этого (новый человѣкъ) скорѣе отрицательный, нежели положительный. Забыта именно философія воспитанія; не приняты во вниманіе такъ сказать геологическіе пласты, коиъ поверхностную пленку «назема» мы поэтому такъ безуспѣшно пашемъ.

Тема статей есть собственно не русская школа, но та общая почва, на которой стоитъ и русская школа, недавняя по происхожденію, не окрѣпшая на ногахъ, не имѣющая за себя другихъ аргументовъ кромѣ подражательности и традиціи. Много тутъ (около

практики дѣла) полегло усердія, таланта; мукъ дѣтскихъ, часто язвительныхъ, и краткотечныхъ радостей; болѣе всего (и для меня дороже всего)—слезъ материнскихъ, отцовскаго недоумѣнія, слезъ невидимыхъ и самыхъ жгучихъ, недоумѣнія—никакъ не разрѣшившагося. Сойти въ кучу этого труда и страданія хотя съ малѣйшей надеждой на помощь—это руководило меня и вѣроятно никогда не перестанетъ руководить педагоговъ-филантроповъ, педагоговъ-мыслителей. И такъ—да бѣгутъ эти страницы во вниманіе людское прежде всего какъ помощь, какъ утѣшеніе, какъ разрѣшеніе недоумѣнія.

При настоячивомъ проведеніи черезъ печать своихъ мыслей, я не могъ не впасть кой-гдѣ въ повторенія; нѣтъ повторяемыхъ статей въ этомъ сборникѣ, нѣтъ повторяемыхъ страницъ, но нельзя было совершенно избѣгнуть. чтобы не было кой-какой повторяемости въ мысли, наблюденіяхъ, указаніяхъ. Это—да проститъ автору читатель.

С.-Петербургъ,
21 января 1899 г.

СУМЕРКИ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

...«Послѣ сорокадневнаго броженія въ закрытой колбѣ, вещество оживаетъ и двигается, что легко видѣть. Оно принимаетъ форму, отчасти подобную человѣческой, но совершенно прозрачную и еще безъ *corpus*. Послѣ того, его нужно кормить *argano sanguinis humani* въ продолженіе сорока недѣль и держать постоянно при одинаковой теплотѣ *ventris equini*; тогда выйдетъ совершенно живое человѣческое дитя, со всѣми членами, какіе бываютъ у всякаго другого дитяти, рожденнаго женщиною, но только гораздо меньшей величины; такое дитя мы называемъ *Homunculum*».

Эти слова Парацельса объ искусствственномъ, помимо природы, способѣ образованія человѣка невольно припоминаются при взглядѣ на ту картину, какую представляетъ Европа въ своихъ попыткахъ образовывать, уединясь отъ исторіи, человѣческую душу черезъ соединеніе въ ней путемъ воспитанія различныхъ и одинаково цѣнныхъ качествъ. Задача знаменитаго алхимика, по своему смыслу и основаніямъ, была лишь слабымъ прообразомъ той задачи, которая съ менышимъ упорствомъ и гораздо большею увѣренностью въ успѣхѣхъ осуществляется повсюду, во всѣхъ странахъ, въ нашъ вѣкъ: выработать въ искусствственныхъ условіяхъ, лишь подражающихъ природѣ, живой организмъ, вырабатываемый только черезъ ея таинственные процессы. Какъ это ни удивительно, но мечта Руссо, на осуществленіе которой онъ едва-ли надѣялся самъ, получила примѣненіе въ эпоху, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чуждую какой-либо мечтательности. Уединившись въ воображеніи своемъ, отвращаясь отъ живыхъ людей, онъ создалъ образъ Эмиля, этого истиннаго *Homunculi* новой Европы, по образцу котораго съ тѣхъ поръ и до нашего времени множество людей пытаются осуществить

ту же мечту. Въ традиціи своего народа, въ смысла своей религіи, въ цѣлаго движенія двухъ-тысячелѣтней исторіи, гражданинъ, отсюда изгнанный, образовалъ идею новаго гражданина, фикцію, которая могла бы заключать его *общественный договоръ*, населять его *республику*; и филантропы, законодатели, политики всей Европы, какъ будто уже слабо чувствуя на плечахъ своихъ давленіе исторіи, сбросили остатки ея въ сторону и обратились къ этой же фикціи, чтобы ее одну любить, ее осуществлять, ее налагать, какъ нормирующій образъ, на образъ живыхъ поколѣній, передъ ними возраставшихъ. И когда на другихъ попрощахъ, не на воспитательномъ, неудачи постигали ихъ, они раздражались сѣтованіями на воспитаніе, все еще недостаточно приблизившее людей къ искусственному представленію челоуѣка, какое они составили. Практическіе люди и теоретики, во всемъ расходившіеся, соглашались единодушно въ томъ, что здѣсь лежитъ ключъ ко всякому прочному успѣху, и въ мѣру того, насколько они чего-нибудь желали, къ чему-нибудь стремились, они прежде всего напрягали усплія, чтобы овладѣть этимъ ключемъ. Государство, такъ неизмѣримо воспреобладавшее въ XIX вѣкѣ надъ всѣми остальными сторонами народной жизни, естественно и получило въ свое обладаніе этотъ ключъ. Церковь со своимъ особымъ кругомъ понятій и преданій, семья съ индивидуализмомъ своихъ навыковъ и стремленій, не говоря о другихъ меньшихъ, но столь же живыхъ и конкретныхъ сплахъ исторіи, были недоуѣрчиво или пренебрежительно устранены отъ воспитанія. Филантропы и теоретики, насколько они хотѣли перейти отъ мечтаній къ дѣйствительности, должны были войти въ сѣтъ административныхъ учрежденій, всюду выдѣленныхъ государствами для осуществления этой цѣли. Излишнее, индивидуальное, что было въ нихъ, они вынуждены были глубоко схоронить въ себѣ, и стать, если желали быть чѣмъ-нибудь, только исполнителями безлично-общихъ началъ, достаточно зрѣло уже обдуманыхъ и всюду рѣшенныхъ къ примѣненію.

Какъ институтъ исключительно правовой, государство не имѣетъ непремѣнной связи съ какой-либо религіей ¹⁾, съ опредѣленными формами быта, ни вообще съ чѣмъ-либо, завѣщаннымъ изъ исторіи, что, развиваясь съ нимъ бокъ о бокъ въ жизни народной, остается, однако, для него вѣншиимъ. Не въ этомъ всемъ, но въ особыхъ правовыхъ цѣляхъ, лежитъ центръ его интереса, непремѣнныя и ненарушимыя нормы дѣятельности, и ко всему прочему, разъ оно такъ же становится предметомъ его дѣятельности, оно не можетъ имѣть отношенія внутренняго, субъективнаго. Цѣль въ воспитаніи,

¹⁾ Римъ языческой до Константина Великаго и потомъ христіанскій до Ромула Августула, Германія католическая до Карла V-го и протестантская послѣ него, наконецъ, Швейцарія и Соединенные Штаты безъ государственной церкви могутъ служить историческимъ доказательствомъ этого общаго положенія.

тотъ мысленный образъ «человѣка и гражданина», какой оно стремится осуществить, можетъ стать субъективной цѣлью въ государствѣ; но средства образовать его, но то, съ помощью чего этотъ образъ изъ мысленнаго могъ бы стать дѣйствительнымъ, какъ бы настойчиво они ни были примѣняемы имъ, всегда и неизмѣнно будутъ примѣняемы лишь внѣшнимъ образомъ. Въ отношенія къ достигаемой цѣли, въ самихъ себѣ, они не имѣютъ никакой особой цѣны для государства; то, что для нихъ есть непремѣнное и внутреннее, для него есть лишь случайное и побочное. Отсюда — начала выбора, анализа и эклектизма, примѣенныя всюду къ этимъ средствамъ; отсюда же механизмъ въ самомъ способѣ ихъ употребленія.

Въ отдѣльные свѣтлые моменты исторіи, какъ ни противоположны были они по смыслу и духу, человѣкъ являлся съ чертами хотя и различными, но одинаково прекрасными. Въ цвѣтущее время античной древности, въ первые дни Христіанства, въ радостный вѣкъ Возрожденія, и, наконецъ, въ эпоху великихъ научныхъ успѣховъ за три послѣднія столѣтія, онъ носилъ обликъ, рѣзко выдѣленный, но равно привлекательный. Для всякаго, кто стоялъ въ кругѣ особыхъ интересовъ, какими жила каждая изъ этихъ эпохъ, не могло быть сомнѣнія въ ихъ разнородности и несоединимости; но эта разнородность, такъ живо чувствуемая при субъективномъ къ нимъ отношеніи, не могла быть понятна и сколько-нибудь признана государствомъ, равно удаленнымъ отъ всѣхъ нихъ, равно холоднымъ ко всему этому, — и которому, однако, изъ нихъ именно предстояло выбрать питающіе элементы для образованія желаемого образа. Соединить разбросанныя черты исторіи, съ однимъ условіемъ, чтобы онѣ были наилучшія, и путь ихъ направить въ воспріимчивую душу подростящихъ поколѣній — это было единственное, что оно могло сдѣлать, и ему естественно казалось, что въ этомъ лежитъ вѣрное средство и воспринимающія души сдѣлать какъ бы отраженіемъ всего лучшаго, что было въ исторіи. Отъ недостатковъ въ воспріятіи, отъ неполноты воспринимаемаго могли произойти недостатки и въ формируемомъ духовномъ образѣ; но что самый принципъ формировація вѣренъ, — въ этомъ, повидному, не предстояло разубѣждаться. Натуральная, голая человѣчность въ ея высшихъ формахъ, какія завѣщала классическая древность въ своей поэзіи, въ своихъ мѣтахъ и даже въ крупныхъ чертахъ исторіи, — та же человѣчность, но уже отвергнутая въ наготѣ своей, какъ безпомощная, и получившая какъ бы новое рожденіе въ христіанствѣ, — наконецъ, нѣсколько простое и грубое, но точное и удивительное знаніе человѣка о себѣ и о мірѣ, какое достигнуто было имъ отъ Коперника и до Фарадея, — все это вошло въ кругъ питающей *arsani sanguinis* новаго человѣка ¹⁾.

¹⁾ Въ средней школѣ, какъ основномъ ядрѣ воспитательной системы, уста-

Въ составѣ цѣлаго, каждый элементъ долженъ былъ занять какое-нибудь положеніе, и естественно, что при объективномъ, чисто внѣшнемъ отношеніи ко всѣмъ имъ, они должны были расположиться соотвѣтственно той важности, какую имѣли въ исторіи. Для государства, какъ правоваго института, чуждаго какихъ-либо субъективныхъ принциповъ, ни третій, ни въ особенности второй изъ указанныхъ элементовъ не могъ по цѣнности сравниться съ первымъ,—именно по его ясности, по его несвязности какъ бы то ни было темными началами, для права неясными и даже подзрительными. Человѣкъ, какъ онъ вышелъ изъ лоно природы,—для государства, выходящаго такъ же только изъ ея лоно, естественно долженъ былъ казаться наиболѣе достойнымъ подражанія и, слѣдовательно, изученія. Отсюда — перевѣсъ, данный всюду древнимъ литературамъ, большее склоненіе государственнаго вниманія къ филологамъ, съ которыми внѣ связи на этомъ пунктѣ вообще у него нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Возлѣ классическихъ литературъ, какъ центра въ пунктѣ воспринимаемыхъ впечатлѣній, расположились остальные элементы, нѣсколько ослабленные, сравнительно съ этимъ, въ количествѣ и напряженіи дѣйствія. Это отношеніе, какъ наилучшее, должно было неизмѣнно сохраняться: въ образуемомъ, эклектически собираемомъ, духовномъ существѣ каждый порознь элементъ непремѣнно долженъ былъ стать частью, не выходящей изъ строгаго подчиненія величинѣ остальныхъ частей, — дробью, никогда не переходящей за нѣкоторый тѣсный предѣлъ ¹⁾).

Когда каждое впечатлѣніе въ отдѣльности хорошо и хороша такъ же всякая сумма ихъ,—ясно, что наибольшая изъ всѣхъ суммъ должна быть и наилучшая. Изъ этого принципа, столь яснаго, вытекло всюду возможное расширеніе преподаваемыхъ курсовъ. Только въ утомительности продолжительнаго и однообразнаго усвоенія все тѣхъ же впечатлѣній это стремленіе находило себѣ препятствіе, и оно счастливо было обойдено чередованіемъ разнородныхъ впечатлѣній. Ивное несходство трехъ главныхъ группъ предметовъ открывало легкую возможность не держать продолжительное время душу

повплись слѣдующіе предметы, соотвѣтствующіе тремъ указаннымъ элементамъ:

1) классическіе языки, т. е. подготовленіе къ чтенію древнихъ писателей, и самое чтеніе ихъ: поэтовъ, историковъ, ораторовъ, философовъ; 2) ветхозавѣтная и новозавѣтная исторія, исторія церкви, церковная догматика и литургия; 3) космографія, физика съ краткимъ очеркомъ химіи, алгебра и тригонометрія, географія. Исторія въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ распределена между этими тремя группами. Новые языки есть средство со временемъ глубже войти въ духъ и смыслъ каждой изъ этихъ трехъ группъ предметовъ. Изученіе литературы повсюду имѣетъ мѣстный интересъ. Безъ какого-либо впадоимѣненія по странамъ, эти предметы всюду въ Европѣ признаны за «общеобразовательные», на усвоеніе которыхъ назначается возрастъ отъ 10—18 лѣтъ, и часто дальше.

¹⁾ Это достигается при помощи балловой системы.

воспитывающагося подъ какимъ-нибудь однимъ впечатлѣніемъ, или подъ нѣсколькими родственными. Отсюда вытекла принятая всюду система уроковъ, при которой ни одно впечатлѣніе не держится долѣе часа, и иногда менѣе—55 минутъ. Эти впечатлѣнія чередуются такъ, что два смежныя всегда не имѣютъ между собой ничего общаго. Въ мѣру отчетливости и твердости состава этихъ впечатлѣній должна была возрасти правильность и въ чертахъ составляемаго духовнаго образа.

Наконецъ, такъ какъ и при этой интенсивной системѣ усвоенія, усвоенный матерьялъ все еще былъ слишкомъ обширенъ, придумано было сжать каждую часть въ немъ до minimum'a, такъ, чтобы каждое усвоеніе, будучи кратко по времени, было въ то же время чрезвычайно обильно по количеству. Матерьялъ, т. е. духовные плоды, завѣщанные каждой исторической эпохой, естественно могъ подвергнуться этой переработкѣ: Пуническія войны, такъ странно разсказанныя Ливіемъ, могли быть переданы въ немногихъ словахъ безъ того, чтобы какой-нибудь фактъ стоялъ въ нихъ иначе, чѣмъ въ дѣйствительности; судьбы израильскаго народа, жизнь Спасителя, дѣянія Апостоловъ и мучениковъ представляли столь тѣсное поле фактовъ, что, безъ мелочныхъ подробностей, въ своихъ крупныхъ и значущихъ чертахъ, они могли быть усвоиваемы совершенно быстро. Каждая рѣчь могла быть передана въ ея смыслѣ и каждое событіе—въ точномъ наименованіи факта. Еще съ большимъ удобствомъ это могло быть примѣнено къ результатамъ новѣйшаго умственнаго просвѣщенія: открытіе Коперника укладывалось въ нѣсколько строкъ, и ихъ не болѣе требовалось для открытія Колумба. Сжато, легко, гладко проскальзывали въ устремленное къ нимъ вниманіе земля и небо, океанъ и суша, пророки и революція, Гомеръ и электротехника съ помощью особыхъ маленькихъ книжекъ, гдѣ были для этой особой цѣли абстрагированы природа и люди. Рядъ символовъ почти замѣнилъ рядъ фактовъ, живыя лица стали только большими и малыми именами. Что усвоить всякую дѣйствительность черезъ эти символы и безконечныя вереницы словъ значило почти то же, что ботанизировать въ дровяномъ складѣ—это могло быть сколько-нибудь понято и признано лишь при субъективномъ отношеніи къ чему-нибудь, при особой и исключавшей всякую другую привязанность привязанности къ какому-нибудь изъ живыхъ созданий, къ которымъ былъ примѣненъ этотъ методъ абстракціи.

II, наконецъ, въ заботахъ не только о наибольшемъ для каждаго, но и о наибольшемъ для всѣхъ или очень многихъ, всюду былъ установленъ способъ коллективнаго обученія. Ученикъ никогда болѣе не оставался наединѣ со своимъ учителемъ; учитель никогда не говорилъ лицу, но только толпѣ. Все индивидуальное, что было въ одномъ и въ другомъ, заботливо пряталось, люди соприкасались

здѣсь только общими сторонами своего существа. Всегда соединенные, они были въ сущности, всѣ уединены,—и то, въ чемъ они были уединены столь постоянно, было какъ бы непризнано. Эта непризнанная сторона ихъ существа была въ то же время самая главная, потому что въ отличіе отъ животнаго человѣкъ именно въ индивидуальности своей несетъ свой существенный, особый смыслъ; въ ней же лежитъ и родникъ всякаго духовнаго творчества. Долгое время, въ лучшіе годы затѣвная, она мало-по-малу атрофировалась, въ то время какъ общія, усвоющія только, стороны души разрастались исключительно при усепенномъ и непрерывномъ освѣщеніи.

II.

Можно думать, что Парацельсъ, съ такимъ чистосердечіемъ написавшій приведенныя выше слова, *дѣйствительно видѣлъ*, какъ смѣшанная имъ вещества принималъ человѣкообразную форму; логическая убѣжденность, что данное явленіе должно произойти, иногда дѣлаетъ то, что наши глаза какъ будто дѣйствительно видятъ ожидаемое явленіе. Но достаточно было постороннему войти въ его лабораторію, чтобы понять, что мертвый матерьялъ въ его «закрытой колбѣ» и остается безжизненнымъ, какъ былъ прежде.

Всѣ чувствуютъ, и уже давно, въ Европѣ, странную безжизненность возрастающихъ поколѣній. Они безжизненны не въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, они лишены не которыхъ-нибудь даровъ, будучи богато одѣлены другими. Именно ядра въ нихъ нѣтъ, изъ котораго растетъ всякій даръ, всякій порывъ, все энергичное въ дѣйствіи или твердое въ сопротивленіи. Та «искра Божія», которая свѣтится въ человѣческомъ образѣ часто сквозь мракъ, его одѣвающихъ, сквозь его грубость, необузданный произволъ, невѣжество,—въ этихъ поколѣніяхъ, наружно лоснящихся, ничего выдающагося дурнаго не дѣлающихъ, какъ будто погасла, и ее ничто не способно пробудить. Странная антикультурность, на походѣ XIX вѣка самой великой въ исторіи культуры, поражаетъ въ нихъ: они не только не продолжаютъ своего времени, не суть дѣти безумнаго въ порывахъ своихъ «просвѣщенія» XVIII—XIX вѣковъ; они и не принадлежатъ ни къ какой другой эпохѣ, не сочувствуя и не понимая болѣе ни одной изъ отжившихъ культуръ. Христіанство съ его высокими спиритуализмомъ, аскетическими подвигами, углубленной, святой лирикой,—ничего не говоритъ ихъ сердцу, возбуждая или кощунство, или равнодушіе, или слабыя попытки его переименовать; его и того культъ плоти, того самоуслажденія человѣка своей красотой, которымъ жила древность и что вспыхнуло и ярко засвѣтилось на рубежѣ средней и новой Европы, въ нихъ нѣтъ, не только какъ собственнаго чувства, но и какъ пониманія чужаго чувства.